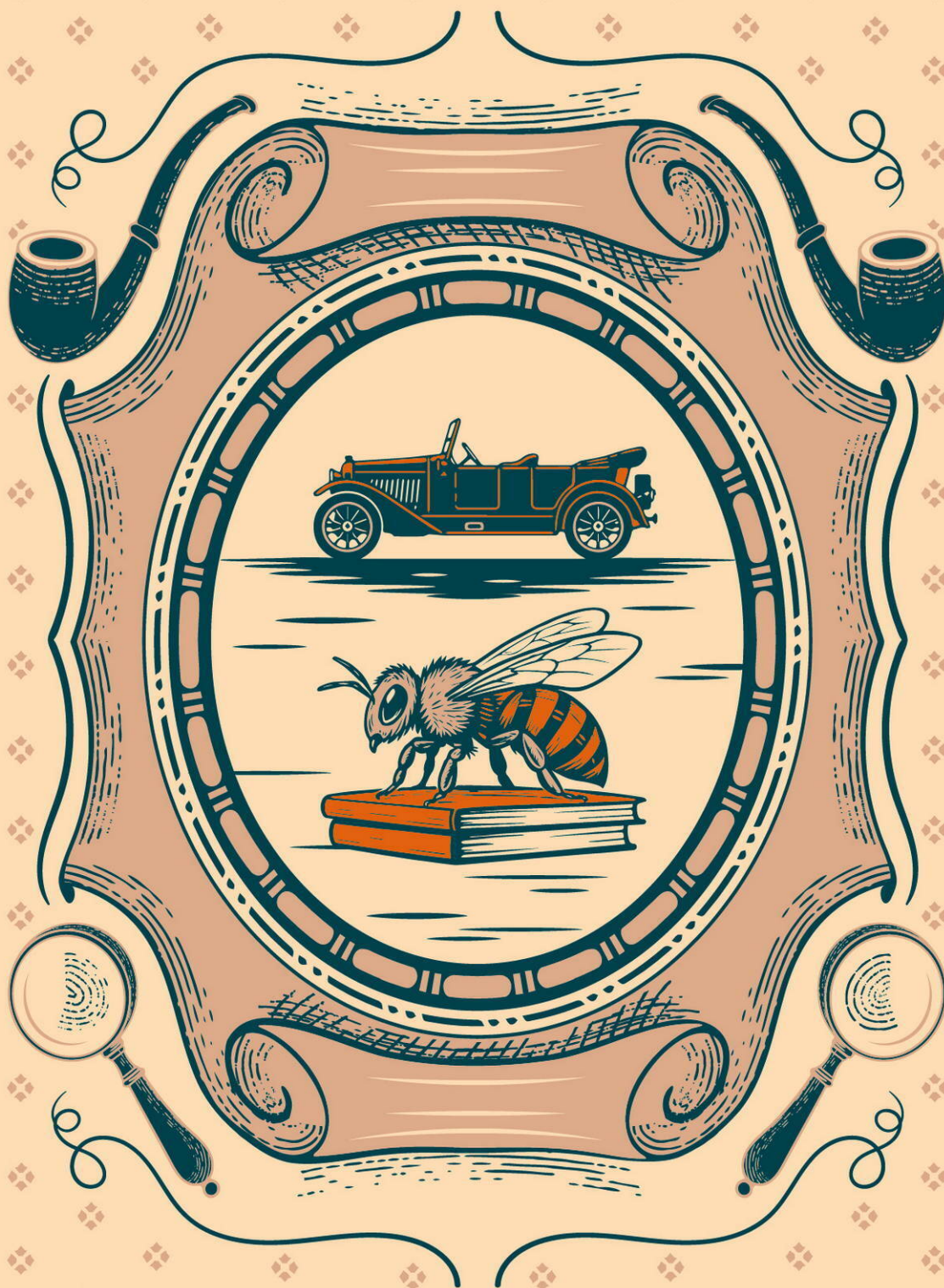

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Его прощальный ПОКЛОН

Магистраль. Главный тренд

Артур Конан Дойл

Его прощальный поклон

«ЭКСМО»

1917

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Его прощальный поклон / А. Дойл — «Эксмо»,
1917 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-248933-4

«Его прощальный поклон» — заключительный сборник рассказов Артура Конан Дойла о великом сыщике, в котором собраны дела позднего периода — лаконичные, точные, насыщенные внутренним напряжением, словно отточенные до последнего штриха. Здесь тайны разнообразны — от загадочных исчезновений и семейных драм до международных угроз, перед которыми даже блестящему интеллекту требуется особая выдержка.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-248933-4

© Дойл А., 1917

© Эксмо, 1917

Содержание

Его прощальный поклон	6
Дело о картонной коробке	6
Приключение «Красного Круга»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Артур Конан Дойл

Его прощальный поклон

Sir Arthur Conan Doyle

His Last Bow: Some Reminiscences of Sherlock Holmes

- © Волжина Н., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Вольпин Н. Д., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Гурова И. Г., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Дехтерева Н. А., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Жукова Ю. И., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Кан М. И., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Сергеев И. А., перевод на русский язык, 2026
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Его прощальный поклон

Дело о картонной коробке

Я выбрал несколько типичных дел, наглядно показывающих необычайные умственные способности моего друга Шерлока Холмса, стараясь, насколько возможно, сосредоточиться на тех, где меньше сенсаций, но больше пространства для проявления его талантов. Увы, полностью отделить сенсационное от преступного невозможно, и рассказчик неизбежно сталкивается с дилеммой: либо опустить детали, без которых изложение будет неточным и исказит картину происшедшего, либо довольствоваться тем, что предоставила ему случайность, а не его собственный выбор. С этим кратким предисловием я обращаюсь к своим заметкам о том, что впоследствии оказалось странной, хотя и по-своему зловещей цепью событий.

Стоял палящий августовский день. Бейкер-стрит раскалилась, словно печь, а ослепительный блеск солнца на жёлтой кирпичной кладке дома напротив резал глаза. Было трудно поверить, что это те самые стены, которые так мрачно вырисовывались сквозь зимние туманы. Шторы были наполовину задернуты, а Холмс лежал, свернувшись на диване, неустанно перечитывая письмо, полученное утренней почтой. Что касается меня, то служба в Индии приучила меня переносить жару лучше, чем холод, и девяносто градусов на термометре не вызывали никаких неудобств. Однако утренняя газета оказалась неинтересной. Парламент разошелся. Все разъехались из города, а я с тоской мечтал о лесных прогалинах Нью-Фореста и о галечном берегу Саутси. Оскудевший банковский счет заставил меня отложить отпуск, а что до моего спутника, то ни деревня, ни море не сулили ему ни малейшего удовольствия. Он любил расположиться в самом центре пятимиллионного города, плетя свои нити и протягивая их сквозь людскую массу, чутко откликаясь на каждый слух и малейшее подозрение, связанное с нераскрытым преступлением. Восхищению природой среди его многочисленных дарований не находилось места, и единственное, что менялось, – это объект его интереса: с городских злодеев он переключался на сельских.

Заметив, что Холмс слишком поглощён письмом и не расположен к разговору, я отложил пустую газету и, откинувшись в кресле, погрузился в глубокое раздумье. Внезапно голос моего спутника прервал ход моих мыслей.

– Вы правы, Ватсон, – сказал он. – Это в самом деле крайне абсурдный способ разрешать споры.

– Крайне абсурдный! – воскликнул я и, вдруг осознав, что он снял с языка сокровенную мысль моего сердца, подался вперёд в кресле и уставился на него в немом изумлении.

– В чем дело, Холмс? – вскричал я. – Это превосходит всё, что я мог себе представить. Он от души рассмеялся над моим недоумением.

– Помните, – сказал он, – как недавно я читал вам отрывок из очерка По, в котором тонкий аналитик прослеживает невысказанные мысли своего спутника? Вы тогда, как мне кажется, сочли это лишь остроумным авторским приёмом. Но когда я сказал, что поступаю так же, вы встретили это с недоверием.

– Нисколько!

– Быть может, не словами, мой дорогой Ватсон, но уж точно бровями. Поэтому, когда я увидел, как вы отбросили газету и погрузились в размышления, я с радостью воспользовался случаем «прочитать» их и в конце концов вмешаться – как доказательство того, что между нами установилось полное взаимопонимание.

Но мои сомнения всё ещё не были развеяны.

– В примере, который вы мне читали, – сказал я, – аналитик делал выводы исходя из действий того, за кем наблюдал. Если я правильно помню, он споткнулся о груды камней, взглянул на звёзды и тому подобное. Но я всё это время спокойно сидел в кресле. Какие же признаки вы могли из этого почерпнуть?

– Вы слишком строги к себе. Черты лица даны человеку как способ выражения эмоций, и ваши служат вам верно и преданно.

– Вы хотите сказать, что прочли ход моих мыслей по моему лицу?

– По чертам вашего лица, и прежде всего по глазам. Возможно, вы и сами не заметили, как погрузились в раздумья?

– Нет, не заметил.

– Тогда я расскажу. После того как вы отбросили газету – действие, которое сразу привлекло моё внимание, – вы на полминуты застыли с отсутствующим выражением лица. Затем ваш взгляд упал на недавно обрамлённый портрет генерала Гордона, и по перемене в лице я понял, что ход ваших мыслей пришёл в движение. Однако он зашёл недалеко. Ваши глаза скользнули к необрамлённому портрету Генри Уорда Бичера, стоящему на книгах. Потом вы взглянули на стену – и стало ясно, о чём вы подумали: если бы портрет был в рамке, он закрыл бы пустое пространство и соответствовал бы портрету Гордона.

– Вы поразительно точно проследили за мной! – воскликнул я.

– До этого момента я вряд ли мог заблудиться в своих наблюдениях.

Но теперь ваши мысли снова обратились к Бичеру, и вы устремили взгляд на его портрет, словно изучая черты лица, пытаясь постичь его характер. Потом вы перестали хмуриться, но вы продолжали внимательно смотреть, а лицо стало задумчивым. Вы воссоздавали в памяти события из его жизни. Я знал, что вы не могли не вспомнить о его миссии на стороне Севера во время Гражданской войны. Я помнил, с каким горячим негодованием вы отзывались о том, как его встретили наиболее неистовые из наших, и понимал, что эти воспоминания сопровождают ваши раздумья.

Мгновение спустя вы отвели взгляд от портрета, и я заподозрил, что ваши мысли обратились к самой Гражданской войне. Когда я увидел, как сжались ваши губы, загорелись глаза и сжались кулаки, не осталось сомнений: вы размышляли о доблести, проявленной обеими сторонами в этой отчаянной борьбе. Но затем ваше лицо омрачилось, и вы покачали головой. Вы задержались мыслями на печали, ужасе и бессмысленной трате человеческих жизней. Рука скользнула к старой ране, а на губах дрогнула улыбка – и я понял, что вся абсурдность этого способа «решать» международные вопросы вторглась в ваши мысли. В этот момент я согласился с вами, что это действительно так, и рад был убедиться, что все мои наблюдения оказались правильными.

– Абсолютно! – ответил я. – И теперь, когда вы всё это объяснили, признаюсь, я поражён ничуть не меньше, чем прежде.

– Всё это было весьма поверхностно, мой дорогой Ватсон, уверяю вас. Я не стал бы навязывать вам свои рассуждения, если бы вы на днях не выразили некоторого недоверия. Но вот у меня в руках небольшая задачка, которая может оказаться куда более сложной, чем моё скромное упражнение в чтении мыслей. Вы не замечали в газетной хронике короткой заметки о необычном содержимом посылки, присланной мисс Кушинг с Кросс-стрит в Кройдоне?

– Нет, я ничего подобного не видел.

– А, значит, вы ее пропустили. Передайте мне газету. Вот она, в колонке финансовых новостей. Будьте любезны, прочтите вслух.

Я взял газету, которую он подал мне, и вслух зачитал нужный абзац. Заголовок гласил:

«УЖАСНАЯ ПОСЫЛКА».

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая на Кросс-стрит в Кройдоне, стала жертвой того, что можно считать особенно отвратительной выходкой, если, конечно, за этим происшествием не скрывается какой-нибудь более зловещий замысел. Вчера днём, около двух часов, почтальон вручил ей небольшой пакет, обернутый в коричневую бумагу. Внутри находилась картонная коробка, наполненная грубой солью. Когда мисс Кушинг высыпала её содержимое, то с ужасом обнаружила два человеческих уха, по всей видимости отрезанных совсем недавно. Пакет был отправлен из Белфаста утром предыдущего дня. Отправителя установить не удалось, что делало происшествие ещё более загадочным: мисс Кушинг – незамужняя дама пятидесяти лет – ведёт крайне уединённый образ жизни и имеет столь мало знакомых и корреспондентов, что получение почты для неё – редкое событие. Однако несколько лет назад, когда она жила в Пендже, мисс Кушинг сдавала комнаты трём молодым студентам-медикам, от которых ей пришлось избавиться из-за их шумных и беспорядочных привычек. Полиция полагает, что именно эти юноши могли совершить возмутительное деяние, питая к мисс Кушинг злобу и надеясь напугать её, прислав эти останки из секционных комнат. Вероятность этой версии подтверждается тем, что один из студентов родом с севера Ирландии и, насколько помнит мисс Кушинг, именно из Белфаста. Тем временем расследование ведётся самым активным образом; делом руководит мистер Лестрейд, один из самых способных детективов нашей полиции».

– Таково сообщение «Дейли Кроникл», – сказал Холмс, когда я дочитал. – А теперь обратимся к нашему другу Лестрейду. Сегодня утром я получил от него записку:

«Мне кажется, это дело как раз по вашей части. Мы весьма надеемся прояснить ситуацию, однако испытываем некоторые трудности с тем, чтобы найти хоть какую-то зацепку. Разумеется, мы телеграфировали в почтовое отделение Белфаста, но в тот день было сдано много посылок, и они не имеют возможности опознать именно эту или вспомнить отправителя. Коробка – обычная полуфунтовая из-под соусированного табака – ничем нам не помогает. Версия со студентами-медиками по-прежнему кажется наиболее правдоподобной, но если у вас найдётся несколько свободных часов, буду чрезвычайно рад видеть вас здесь. Весь день я буду либо дома, либо в полицейском участке».

– Что скажете, Ватсон? Сможете ли вы превозмочь жару и съездить со мной в Кройдон – на случай, если это окажется делом, достойным ваших летописей?

– Как раз хотел чем-нибудь заняться.

– Тогда вам повезло. Позовите лакеев и прикажите им заказать кеб. Я скоро вернусь – переоденусь и заправлю портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошёл дождь, и в Кройдоне жара была куда менее удушливой, чем в городе. Холмс заранее отправил телеграмму, так что Лестрейд – всё тот же жилистый, подтянутый и проворный, как хорея, – уже ожидал нас на станции. Пять минут пешком, и мы оказались на Кросс-стрит, где проживала мисс Кушинг. Это была очень длинная улица, вдоль которой тянулись двухэтажные кирпичные дома, аккуратные и чинные, с побеленными каменными ступенями и небольшими группками женщин, шушукающихся у дверей. Где-то

на середине улицы Лестрейд остановился и постучал; дверь открыла молоденькая служанка. Нас провели в переднюю комнату, где сидела мисс Кушинг. Женщина с мягкими, спокойными чертами лица, большими добрыми глазами и волосами с проседью, мягко обрамлявшими её виски. На коленях у неё лежал вышитый антимаккассар¹, а рядом, на табурете, стояла корзинка с цветными нитями для вышивания.

– Эти мерзости в сарае, – сказала она, когда вошёл Лестрейд. – Я очень прошу вас унести их прочь.

– Так и сделаю, мисс Кушинг. Я лишь оставил их здесь, пока мой друг, мистер Холмс, не осмотрит их в вашем присутствии.

– Почему в моём присутствии, сэр?

– На случай, если ему понадобится задать вам какие-либо вопросы.

– Какой толк спрашивать меня о чем-либо, когда я говорю вам, что ровным счётом ничего об этом не знаю?

– Вполне понимаю, сударыня, – сказал Холмс своим привычным успокаивающим тоном. – Уверен, всё это вам порядком надоело.

– В самом деле, сэр... Я веду тихую и уединённую жизнь. Никогда прежде не видела своего имени в газетах и не сталкивалась с полицией в доме. Я не потерплю, чтобы эти вещи оставались здесь, мистер Лестрейд. Если хотите их осмотреть, придётся пройти в сарай.

Это был небольшой сарай в узком саду, тянувшемся за домом. Лестрейд зашёл внутрь и вынес жёлтую картонную коробку, обёрнутую коричневой бумагой и перевязанную бечёвкой. В конце дорожки стояла скамейка, и мы все сели, пока Холмс поочерёдно осматривал предметы, переданные ему Лестрейдом.

– Чрезвычайно любопытная бечёвка, – заметил он, поднеся её к свету и пригнувшись. – Что скажете, Лестрейд?

– Просмолена, – ответил тот.

– Верно. Кусок просмолённого шпагата. И вы, конечно, обратили внимание: мисс Кушинг перерезала его ножницами – об этом свидетельствует двойная потрёпанность волокон с обеих сторон. Это важно.

– Не вижу, в чём здесь важность, – ответил Лестрейд.

– В том, что узел остался нетронутым и сам он необычной формы.

– Узел завязан очень аккуратно. Я уже заметил это, – спокойно добавил Лестрейд.

– Что ж, с бечёвкой покончено, – сказал Холмс с лёгкой ухмылкой. – Перейдём к упаковке. Коричневый пергамент с явным запахом кофе. Подождите, вы этого не заметили? Думаю, сомнений быть не может. Адрес напечатан довольно небрежно: «Мисс С. Кушинг, Кросс-стрит, Кройдон». Вероятно, широким пером типа J и весьма посредственными чернилами. Слово «Кройдон» первоначально писалось с «и», что исправлено на «й». Посылку отправил мужчина – почерк явно мужской, – малообразованный и незнакомый с городом. Пока всё верно. Коробка жёлтая, полуфунтовая, из-под соусированного табака, без особых примет, кроме двух отпечатков больших пальцев в левом нижнем углу. Наполнена грубой солью, используемой для консервации шкур и других грубых коммерческих нужд. И среди соли таились эти необычайные, странные предметы.

Он вынул два уха, положил на колени дощечку и тщательно их исследовал, пока Лестрейд и я, склонившись по обе стороны, поочерёдно бросали взгляд на эти жуткие останки и на сосредоточенное, пытлиное лицо Холмса. Наконец он вернул их обратно в коробку и некоторое время сидел, погрузившись в глубокие раздумья.

– Вы, конечно, заметили, что уши непарные, – наконец сказал он.

¹ Антимаккассар – тканевая или бумажная салфетка прямоугольной формы, которая кладется на спинки и подлокотники кресел, чтобы предотвратить загрязнение.

– Да, заметил. Но если бы это была шутка студентов из секционной, для них не составило бы никакого труда прислать два разных уха вместо пары.

– Совершенно верно. Только это вовсе не шутка.

– Вы в этом уверены?

– Все признаки решительно указывают на это. Тела в секционных обычно обрабатывают консервационной жидкостью. На этих ушах нет ни малейших следов такой обработки. Более того, они были отрезаны совсем недавно, и тупым инструментом – студент так не сделал бы. Опять же, с медицинской точки зрения использовались бы карболка или спирт, а уж никак не грубая соль. Повторяю, никакой шутки здесь нет, мы имеем дело с серьёзным преступлением.

Меня пробрала смутная дрожь, пока я слушал своего спутника и наблюдал, как суровая сосредоточенность ожесточила его черты. Этот грубый пролог словно отбрасывал тень какого-то странного и необъяснимого ужаса, таящегося в самой глубине происходящего. Лестрейд же покачал головой, как человек, ещё не вполне убеждённый.

– Возражения против гипотезы с розыгрышем, несомненно, имеются, – сказал он. – Но против другой версии существуют куда более веские основания. Мы знаем, что эта женщина в течение последних двадцати лет вела в Пендже, а затем и здесь, самую тихую и порядочную жизнь. За всё это время она едва ли покидала дом хотя бы на один день. Так с какой стати преступнику посылать ей доказательства собственной вины – если только она не актриса исключительной искусности и понимает в происходящем не больше нашего?

– Это задача, которую нам и предстоит решить, – ответил Холмс. – Я, со своей стороны, начну с допущения, что мои рассуждения верны и что было совершено двойное убийство. Одно из этих ушей – женское: маленькое, изящной формы, с проколом для серьги. Другое – мужское: загорелое, выцветшее и также проколотое. По всей вероятности, эти два человека мертвы – иначе мы бы уже узнали их историю. Сегодня пятница. Посылка была отправлена в четверг утром. Значит, трагедия произошла в среду, во вторник или ещё раньше. Если эти двое были убиты, то кто, как не убийца, мог бы отправить мисс Кушинг эту улику? Можно считать, что отправитель посылки – тот самый человек, которого мы разыскиваем. Но у него должна была быть веская причина отправить эту посылку именно мисс Кушинг. Какова же эта причина? Возможно, он хотел дать ей понять, что дело сделано; а может быть – причинить ей страдание. Но в таком случае она знает, кто он. Знает ли? Сомневаюсь. Если бы она знала, зачем ей было бы обращаться в полицию? Она могла бы просто закопать уши – и никто ни о чем не узнал бы. Так она и поступила бы, если бы хотела укрыть преступника. Но если она не желает его укрывать, то назвала бы его имя. Здесь есть узел, который необходимо распутать. – Он говорил высоким, быстрым голосом, неподвижно глядя поверх садовой ограды, но тут вдруг стремительно вскочил на ноги и направился к дому. – У меня есть пара вопросов к мисс Кушинг, – сказал он.

– В таком случае оставлю вас здесь, – сказал Лестрейд. – У меня есть ещё одно небольшое дело. Думаю, от мисс Кушинг мы больше ничего не добьёмся. Вы найдёте меня в участке.

– Мы заглянем к вам по дороге на станцию, – ответил Холмс.

Спустя мгновение мы с Холмсом снова оказались в передней комнате, где бесстрастная дама по-прежнему тихо вышивала свой антимакассар. Услышав, как мы вошли, она положила его на колени и посмотрела на нас своим откровенным, испытующим взглядом.

– Я уверена, сэр, – сказала она, – что здесь какая-то ошибка и посылка вовсе не предназначалась мне. Я уже не раз говорила об этом джентльмену из Скотланд-Ярда, но он только смеётся. У меня, насколько мне известно, нет ни одного врага в целом свете, так отчего же кто-то мог бы сотворить со мной такое?

– Я начинаю склоняться к тому же мнению, мисс Кушинг, – ответил Холмс, усевшись рядом с ней. – Полагаю, более чем вероятно... – Он сделал паузу, и я с удивлением заметил, как он пристально, с особой сосредоточенностью всматривается в её профиль. На мгновение на его

лице мелькнули удивление и удовлетворение, но едва она обернулась, чтобы узнать причину его молчания, как привычная степенность и сдержанность вновь вернули ему обычный вид. Я рассматривал её гладко зачёсанные седеющие волосы, изящный чепец, маленькие золочёные серьги и спокойные, невозмутимые черты – но не мог разглядеть ничего, что объясняло бы очевидное волнение моего спутника.

– У меня несколько вопросов...

– Ох, устала я от вопросов! – воскликнула мисс Кушинг.

– У вас, я полагаю, две сестры.

– Как вы могли это узнать?

– Едва войдя в комнату, я заметил: на каминной полке стоит групповой портрет трёх женщин. Одна из них, несомненно, вы, а две другие так похожи на вас, что сомнений в родстве не остаётся.

– Да, вы совершенно правы. Это мои сёстры, Сара и Мэри.

– А вот здесь, у меня под рукой, ещё один портрет – он сделан в Ливерпуле: на нём ваша младшая сестра в сопровождении мужчины, по всей видимости, стюарда. Я вижу, что тогда она ещё не была замужем.

– Вы очень наблюдательны.

– Это мое ремесло.

– Так и есть. Но несколько дней спустя она вышла замуж за мистера Браунера. Когда был сделан портрет, он служил на судах южноамериканских пароходных рейсов, но был так привязан к ней, что не мог вынести долгой разлуки, и перешёл на рейсы между Ливерпулем и Лондоном.

– Ах, быть может, на «Завоеватель»?

– Нет, «Мэй Дэй», по последним сведениям. Джим однажды зашёл ко мне – это было ещё до того, как он снова начал пить. Потом же, едва сходя на берег, он всегда напивался, и даже немного спиртного лишало его рассудка. Ах, несчастный день, когда он вновь взялся за стакан! Сначала он отдалился от меня, затем поссорился с Сарой, а теперь, когда и Мэри перестала писать, мы не знаем, как у них обстоят дела.

Было ясно, что тема задела мисс Кушинг за живое. Сначала она была сдержанна, как большинство людей, ведущих уединённую жизнь, но вскоре заговорила охотно. Она рассказала нам немало подробностей о своём зяте-стюарде, а потом, перейдя к теме прежних квартирантов – студентов-медиков, подробно поведала обо всех их шалостях, называя имена и больницы, где они учились. Холмс слушал внимательно, время от времени задавая уточняющие вопросы.

– Насчёт вашей второй сестры, Сары, – сказал он, – мне любопытно: раз вы обе незамужние дамы, отчего не ведёте общее хозяйство?

– Ах! Зная характер Сары, вы бы не спрашивали. Я пробовала, когда переехала в Кройдон, и мы жили вместе до тех пор, пока примерно два месяца назад нам не пришлось разъехаться. Не хочу дурно отзываться о собственной сестре, но Сара всегда была привередливой и всюду совала свой нос.

– Вы упомянули, что она поссорилась с вашими родственниками из Ливерпуля?

– Да ведь когда-то они были самыми близкими друзьями. Она даже перебралась туда, чтобы быть к ним поближе. А теперь, едва заходит речь о Джиме Браунере, она не стесняется в выражениях. Последние полгода, пока она жила здесь, почти всё её внимание было занято его пьянством и скверными привычками. Полагаю, он поймал её за тем, что она сует нос в чужие дела, и довольно резко поставил на место – с этого всё и началось.

– Благодарю вас, мисс Кушинг, – сказал Холмс, вставая и кланяясь. – Ваша сестра Сара, если я правильно понял, живёт в Уоллингтоне, на Нью-стрит? Прощайте и примите мои извинения за все хлопоты, которые это дело могло вам причинить, хотя, как вы справедливо заметили, оно не имеет к вам никакого отношения.

Мы вышли на улицу, и Холмс окликнул проезжающий мимо кеб.

– Далеко до Уоллингтона? – спросил он.

– Всего около двух миль, сэ.

– Прекрасно. Садитесь, Ватсон. Железо уют, пока горячо. Хоть дело кажется простым, в нём есть несколько показательных моментов. Извозчик, остановитесь у телеграфной конторы по дороге.

Холмс отправил краткую телеграмму. Остаток пути он провёл, откинувшись на спинку сиденья и надвинув шляпу на нос, чтобы защитить лицо от солнца. Кеб остановился у дома, похожего на тот, который мы только что покинули. Холмс велел ему подождать и уже взялся за дверной молоток, когда дверь распахнулась и на пороге показался мрачного вида молодой человек в чёрном с чрезвычайно блестящей шляпой.

– Мисс Кушинг дома? – спросил Холмс.

– Мисс Сара Кушинг тяжело больна, – ответил он. – Со вчерашнего дня она страдает от крайне тяжёлых мозговых симптомов. Как ее врач, я ни в коем случае не могу взять на себя ответственность за то, чтобы допускать к ней посетителей. Советую вам заглянуть не ранее чем через десять дней.

Он натянул перчатки, закрыл дверь и быстро зашагал вниз по улице.

– Что ж, нельзя – значит, нельзя, – бодро ответил Холмс.

– Вероятно, она всё равно не смогла бы рассказать вам что-то существенное... или бы не захотела.

– А я и не хотел, чтобы она что-либо рассказывала, – ответил он. – Я всего лишь хотел взглянуть на неё. Впрочем, полагаю, что теперь я узнал всё, что мне нужно. Кебмен, отвезите нас в приличную гостиницу, где можно пообедать, а после мы навестим нашего друга Лестрейда в полицейском участке.

Мы приятно пообедали; всё это время Холмс говорил исключительно о скрипках, с превеликим упоением излагая то, как у одного еврейского антиквара на Тоттенхэм-Корт-роуд он всего за пятьдесят пять шиллингов купил собственную скрипку *Страдивари*, стоимостью не менее пятисот гиней. Затем он перешёл к Паганини, и мы просидели целый час за бутылкой кларета, пока он рассказывал мне историю за историей об этом выдающемся человеке. День уже клонился к вечеру, и ослепительный солнечный свет сменился мягким, теплым сиянием, когда мы наконец оказались у полицейского участка. Лестрейд ожидал нас у входа. – Вам телеграмма, мистер Холмс, – сказал он.

– Ха! Вот и ответ! – Он быстро вскрыл ее, пробежался глазами и сунул в карман. – Все в порядке, – сказал он.

– Что-нибудь выяснили?

– Абсолютно всё!

– Что? – Лестрейд уставился на него с изумлением. – Вы шутите.

– Никогда в жизни я не был серьезнее. Совершено чудовищное преступление, и, полагаю, теперь я раскрыл все его подробности.

– А кто преступник?

Холмс нацарапал несколько слов на обороте одной из своих визиток и бросил её Лестрейду.

– Вот его имя, – сказал он. – Арестовать его вам удастся не ранее завтрашней ночи. Я предпочёл бы, чтобы моё имя вообще не упоминалось в связи с этим делом, ибо берусь лишь за преступления, которые представляют определенную трудность. Идёмте, Ватсон.

Мы вместе направились к вокзалу, оставив Лестрейда, который с восхищённым выражением лица разглядывал брошенную Холмсом карточку.

– Это дело, – сказал Шерлок Холмс, когда мы тем вечером, сидя в наших комнатах на Бейкер-стрит, беседовали за сигарами, – из тех, где, как и в расследованиях, описанных вами

под названиями «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырёх», мы были вынуждены рассуждать в обратном порядке – от следствий к причинам. Я написал Лестрейду, прося его сообщить нам подробности, которых нам сейчас недостаёт и которые он сможет получить лишь после того, как заключит под стражу нужного человека. В этом на него можно положиться: хотя он совершенно лишён способности рассуждать, он цепок, как бульдог, едва усвоит, что от него требуется; и, в сущности, именно эта цепкость и вывела его в первые ряды Скотленд-Ярда.

– Значит, в деле есть пробелы? – спросил я.

– По существу, оно уже раскрыто. Мы знаем, кто стоит за этим отвратительным делом, хоть нам еще и предстоит узнать, кем является одна из жертв. Разумеется, вы уже сделали собственные выводы.

– Полагаю, что этот Джим Браунер, стюард ливерпульского судна, и есть ваш подозреваемый?

– О! Это более чем подозрение.

– И всё же я вижу лишь весьма неочевидные намёки.

– Напротив, для меня всё совершенно очевидно. Позвольте мне вкратце пройти по основным этапам. Как вы помните, мы подошли к делу с совершенно пустой головой, что всегда является преимуществом. Мы не вынашивали никаких теорий. Наша задача была проста: наблюдать и делать выводы из увиденного. Что мы увидели прежде всего? Очень спокойную и благопристойную даму, казавшуюся совершенно не причастной ни к каким тайнам, и портрет, мгновенно открывший мне, что у неё есть две младшие сестры. В тот же момент в моей голове промелькнула мысль: посылка могла предназначаться для одной из них. Я отложил эту мысль, решив проверить ее при удобном случае. Затем мы отправились в сад, как вы помните, и увидели весьма необычное содержимое маленькой жёлтой коробки. Найденная бечёвка была того сорта, которым пользуются судовые парусные мастера: в расследовании стал ощущаться едва заметный морской след. Когда я увидел, что узел был одним из тех, что любят моряки, что посылка была отправлена из порта, а мужское ухо проколото для серьги – что у моряков встречается гораздо чаще, чем у жителей суши, – я был твёрдо уверен, что всех действующих лиц этой трагедии стоит искать среди людей морской профессии. Когда я приступил к изучению надписи на посылке, я обнаружил, что она была адресована мисс С. Кушинг. Старшей сестрой, разумеется, должна была быть мисс Кушинг, и хотя её инициал «С», он вполне мог принадлежать и одной из младших сестёр. В этом случае нам пришлось бы начинать расследование совершенно с чистого листа. Я вошёл в дом с намерением прояснить этот вопрос и уже собирался заверить мисс Кушинг, что произошла какая-то ошибка, когда, как вы, вероятно, помните, вдруг остановился. Дело было в том, что я только что увидел нечто, что одновременно поразило меня и резко сузило поле нашего расследования.

Как медику, вам известно, Ватсон, что нет части тела, которая различалась бы у разных людей так сильно, как человеческое ухо. Каждое ухо, как правило, уникально и не похоже ни на одно другое. В прошлогоднем «Антропологическом журнале» вы найдёте две короткие работы, написанные мною на эту тему. Именно поэтому я осматривал уши в коробке взглядом эксперта и тщательно фиксировал все их анатомические особенности. Представьте же моё удивление, когда, взглянув на мисс Кушинг, я обнаружил, что её ухо полностью совпадает с женским ухом, которое я только что исследовал. Дело полностью выходило за рамки случайности. Та же укороченная ушная раковина, та же широкая дуга верхней мочки, та же свёртка внутреннего хряща. По всем основным признакам это было одно и то же ухо.

Разумеется, я сразу понял огромную важность этого наблюдения. Было очевидно, что жертва состояла с ней в кровном родстве, и, вероятно, очень близком. Я начал расспрашивать её о семье, и, как вы помните, она без колебаний предоставила нам несколько исключительно ценных сведений.

Прежде всего, сестру звали Сара, и до недавнего времени они жили по одному адресу, так что было совершенно ясно, как произошла ошибка и кому предназначалась посылка. Затем мы узнали об этом стюарде, женатом на третьей сестре, и выяснили, что когда-то он был настолько близок с мисс Сарой, что она даже поехала в Ливерпуль, чтобы быть ближе к Браунерам, но впоследствии ссора разлучила их. Эта ссора прервала всякое общение на несколько месяцев, и если бы Браунеру понадобилось отправить посылку мисс Саре, он, без сомнения, прислал бы её по её прежнему адресу.

И теперь всё дело начало удивительным образом проясняться. Мы узнали о существовании этого стюарда – человека порывистого и страстного; вы помните, что он оставил, по-видимому, весьма выгодное место на судне, чтобы поселиться ближе к жене; человека, подверженного также периодическим приступам тяжёлого пьянства. У нас были основания полагать, что его жена была убита, и что одновременно был убит мужчина – предположительно моряк. Ревность, разумеется, сразу напрашивается как мотив преступления. Но почему улики были отправлены мисс Саре Кушинг? Вероятно, потому, что во время своего проживания в Ливерпуле она сыграла определённую роль в событиях, приведших к трагедии. Заметьте, что этот маршрут судов делает остановки в Белфасте, Дублине и Уотерфорде; следовательно, если Браунер совершил преступление и сразу же сел на свой пароход «Мэй Дэй», Белфаст был бы первым местом, откуда он мог отправить свою ужасную посылку.

На этом этапе расследования была возможна и вторая версия, и хотя я считал её крайне маловероятной, я был полон решимости прояснить её, прежде чем двигаться дальше. Можно было предположить, что убийство совершил отвергнутый поклонник, а мужское ухо принадлежало супругу. Против этой гипотезы существовало немало серьёзных возражений, однако полностью исключить её было нельзя. Поэтому я немедленно отправил телеграмму своему приятелю Алгару из ливерпульской полиции с просьбой выяснить, находится ли миссис Браунер дома и вышел ли сам Браунер в рейс на «Мэй Дэй». После этого мы отправились в Уоллингтон, чтобы навестить мисс Сару.

Прежде всего мне было любопытно установить, насколько в её ухе проявились характерные семейные черты. Затем, разумеется, она могла сообщить нам весьма важные сведения, хотя особых надежд на это я не питал. Она должна была узнать об этой истории накануне, поскольку весь Кройдон был взбудоражен ею, и лишь она одна могла понять, кому в действительности предназначалась посылка. Если бы она желала содействовать правосудию, то, вероятно, уже обратилась бы в полицию. Тем не менее наш долг был ясен – мы должны были её навестить, и мы так и поступили. Мы убедились, что известие о прибытии посылки – именно с этого момента и началась её болезнь – произвело на неё столь сильное потрясение, что привело к мозговой горячке. Становилось всё очевиднее, что она прекрасно осознавала весь смысл случившегося, но столь же ясно было и то, что рассчитывать на какую-либо помощь с её стороны в ближайшее время не приходится.

Впрочем, мы могли обойтись и без её помощи. Все необходимые ответы ждали нас в полицейском участке, куда я приказал Алгару их направить. Более убедительных доказательств не существовало. Дом миссис Браунер был закрыт уже более трёх дней; соседи считали, что она уехала к родственникам на юг. В судоводных конторах выяснили, что Браунер отправился в рейс на «Мэй Дэй», и, по моим расчётам, судно должно прибыть в Темзу завтра ночью. По прибытии его встретит медлительный, но решительный Лестрейд, и я не сомневаюсь, что все недостающие детали встанут на свои места.

Шерлок Холмс не разочаровался в своих ожиданиях. Два дня спустя он получил объёмный конверт, внутри которого находились короткая записка от детектива и машинописный документ на нескольких страницах писчей бумаги.

– Лестрейд действительно поймал его, – сказал Холмс, подняв взгляд на меня. – Возможно, вам будет интересно узнать, что он пишет.

«Дорогой мистер Холмс, в соответствии с планом, который мы выработали для проверки наших теорий...»

– Это «мы» звучит довольно лестно, Ватсон, не правда ли?

«...вчера в шесть часов вечера я отправился в Альберт-док и поднялся на борт парохода «Мэй Дэй» Ливерпульской, Дублинской и Лондонской пароходной компании. Наведя справки, я выяснил, что на борту находится стюард по имени Джеймс Браунер и что во время рейса он вёл себя столь необычайно, что капитан был вынужден отстранить его от обязанностей. Спустившись к его койке, я застал его сидящим на сундуке: с лицом, утопнувшим в ладонях, он монотонно покачивался взад-вперёд. Это был здоровенный, крепкий мальчик, гладко выбритый и сильно смуглый – чем-то напоминающий Олдриджа – того самого, что помогал нам в деле с липовой прачечной. Услышав, с чем я пришёл, он вскочил на ноги, и я уже поднёс свисток к губам, чтобы вызвать двух речных полицейских, дежуривших за углом, – но, казалось, в нём не осталось ни капли духа, и он спокойно протянул руки под браслеты. Мы сопроводили его в камеру, прихватив и его сундук, думая, что там может быть что-то компрометирующее; однако, кроме большого острого ножа – такого, какой есть почти у каждого моряка, – мы ничего не нашли. Тем не менее дополнительных доказательств нам не потребовалось: когда его привели к инспектору в участок, он попросил разрешения дать показания, которые, разумеется, были записаны нашим стенографистом точно так, как он их произнёс. Мы сделали три машинописные копии, одну из которых прилагаю. Как я и предсказывал, дело оказалось крайне простым; тем не менее благодарю вас за содействие в моём расследовании.

*С наилучшими пожеланиями,
искренне ваш Г. Лестрейд».*

– Хм! В самом деле, расследование оказалось на удивление лёгким, – заметил Холмс, поднимая взгляд на меня. – Хотя, думаю, когда Лестрейд впервые привлёк нас к делу... вряд ли оно показалось ему таким.

Однако давайте посмотрим, что скажет сам Джим Браунер. Вот его показания, данные инспектору Монтгомери в полицейском участке Шедвелла, и в этом их преимущество – они приведены дословно.

«Мне есть что сказать? Да, есть. И чертовски много. Пора выложить всё начистоту. Вешайте меня или отпускайте – мне плевать, что вы сделаете. Говорю вам: с той минуты, как я это сделал, я не сомкнул глаз ни на миг – и не верю, что сомкну их когда-нибудь снова, пока не перейду туда, где нет ни сна, ни яви. Их лица преследуют меня. Они не оставляют меня ни на минуту. Он смотрит хмуро, зловещим взглядом, а на её лице – какое-то изумление. Ах, бедная овечка! Как она могла не ужаснуться, когда прочла смерть на лице, что прежде почти всегда смотрело на неё с любовью.

Во всём виновата Сара, и да падёт на неё проклятие конченого человека, да отравит оно её кровь гниением!

Я не для того говорю всё это, чтобы оправдаться. Я знаю: я снова запил – как скотина, какой я и был. Но она бы меня простила; она держалась бы за меня, как канат за кнехт, – если бы та женщина не осквернила порог нашего дома. Сара Кушинг любила меня – вот корень всей этой истории, – любила до тех пор, пока вся её любовь не обернулась ядовитой ненавистью, когда она поняла, что ни её душа, ни тело не стоят и следа в грязи моей жены.

Всего было три сестры. Старшая была просто хорошей женщиной, вторая – настоящим дьяволом, а третья – ангелом. Саре было тридцать три, а Мэри – двадцать девять, когда я женился. Мы были счастливы настолько, насколько длинным казался первый день нашей совместной жизни, и во всём Ливерпуле не найти было женщины лучше моей Мэри. А потом мы пригласили Сару к себе на неделю... неделя растянулась на месяц, и постепенно она словно стала частью нашей семьи. В то время я ходил в трезвенниках, мы откладывали понемногу – жизнь была ключом. Боже мой... кто бы мог подумать, что всё дойдёт до этого? Кто мог такое вообразить?!

Я часто проводил выходные дома, а иногда, если корабль задерживался из-за груза, мне выпадала целая неделя – и за это время мне приходилось часто видеть свояченицу Сару. Она была высокой, стройной женщиной, с тёмными волосами, живой и пылкой натурой, гордо держала голову, а глаза её сверкали, будто из кремня сыпались искры. Но когда крошка Мэри была рядом, видит Бог, о другой я ни разу не помышлял. Порой мне казалось, что ей нравится оставаться наедине со мной или упрасивать меня пойти с ней на прогулку, но я никогда не придавал этому значения. Но как-то вечером меня озарило. Вернувшись с корабля, я застал дома Сару – Мэри куда-то вышла.

– Где Мэри? – спросил я.

– А, ушла платить по каким-то счетам, – ответила она.

В нетерпении я стал расхаживать по комнате взад-вперед.

– Неужто ты и пяти минут не можешь побыть счастливым без Мэри, Джим? – сказала она. – Невелика же мне честь, если тебе и столь малое время трудно довольствоваться моим обществом.

– Да полно тебе, милая, – сказал я, добродушно протягивая к ней руку; но она тотчас же схватила её своими горящими, словно охваченными лихорадочным жаром ладонями. Я взглянул ей в глаза – и понял всё. Слова были ни к чему. Я нахмурился и отдернул руку. Какое-то время она молча стояла рядом, затем подняла ладонь и хлопнула меня по плечу.

– Все тот же верный Джим! – сказала она и, насмешливо хмыкнув, выскочила вон.

С этих пор Сара возненавидела меня всей душой и всем сердцем – а уж ненавидеть она умела. Каким слепым идиотом я был, позволяя ей и дальше жить с нами! Мэри я ни слова не сказал – знал, что это её ранит ещё сильнее.

Поначалу всё шло почти по-старому, но со временем я стал замечать, что в Мэри что-то изменилось. Она всегда была такой доверчивой и чистой, а теперь вдруг стала странноватой и недоверчивой: всё допытывалась, где я был, чем занимался, от кого приходят письма, что у меня в карманах – и ещё тысяча таких же пустяков. С каждым днём она становилась всё более чудаковатой и раздражительной, и между нами вспыхивали ссоры на ровном месте. Я был в полном замешательстве. Сара стала избегать меня, зато с Мэри она была неразлучна. Теперь я вижу, как она незаметно плела свои сети, строила козни и отравляла разум моей жены, настраивая её против меня, но тогда я был слеп, словно крот, и совершенно не понимал, что происходит. Потом я сорвал с себя значок трезвенника и снова запил – хотя, думаю, не случилось бы этого, останься Мэри прежней. У неё появился повод питать ко мне отвращение, и пропасть между нами росла день ото дня. А затем появился Алек Фэрбэрн – и всё стало в сто раз хуже. Поначалу он заходил к нам, чтобы увидеться с Сарой, но вскоре стал навещать нас обоих: это был пробивной человек, который умел находить друзей везде, куда бы ни ступил. Этот малый был лихим, чванливым курчавым пижоном, объехавшим полмира и умевшим увлекательно рассказать обо всём, что видел. Интересный собеседник, бесспорно, с поразительно учтивыми для матроса манерами: должно быть, когда-то он куда больше времени проводил на юте, чем на баке. В течение месяца он постоянно забегал к нам, но у меня и в мыслях не было, что из его тонких, скользких уловок может вырасти что-то зловещее. И вот, наконец, что-то заставило меня насторожиться, и с того дня я больше не находил покоя.

Да и был это всего лишь пустяк. Я совершенно неожиданно вошел в гостиную и, едва переступив порог, заметил, как лицо жены озарилось приветливым светом. Но узнав, кто перед ней, свет погас, и она отвернулась с разочарованным взглядом. Для меня этого было достаточно. Единственным человеком, чьи шаги она могла принять за мои, был Алек Фэрбэрн. Попадись он мне тогда на глаза – я бы убил его: я всегда становлюсь безумцем, когда теряю самообладание. Мэри увидела в моих глазах дьявольский свет и кинулась вперед, вцепившись в мой рукав.

– Не надо, Джим, не надо!

– Где Сара?

– На кухне...

– Сара, – сказал я, войдя, – этот человек, Фэрбэрн, больше не переступит порог моего дома.

– Почему это? – спросила она.

– Это приказ.

– Ах вот как! – сказала она. – Раз мои друзья для этого дома недостаточно хороши – так, выходит, и я сама для него не годюсь.

– Делай как знаешь, – ответил я, – но если Фэрбэрн ещё раз сунется сюда, я пришлю тебе на память одно из его ушей.

Думаю, мой вид её напугал: она не издала ни звука – и в тот же вечер покинула дом.

Что ж, теперь я не знаю, было ли это чистое дьявольство с её стороны, или она думала, что, подбивая мою жену на дурные поступки, сумеет настроить меня против неё.

Так или иначе, она сняла дом всего в двух улицах отсюда и стала сдавать комнаты матросам. Фэрбэрн часто навещался к ней, и Мэри приходила туда пить чай с сестрой и с ним. Не знаю, как часто она там бывала, но однажды я подкараулил её и, вломившись в дверь, увидел, как Фэрбэрн перемахнул через стену сада за домом и удрал, как самый трусливый сукин сын, каким он и являлся. Я поклялся жене, что убью Фэрбэрна, если ещё раз застану его рядом с ней, и увёл её с собой – рыдающую, дрожащую и белую как полотно. Между нами не осталось и следа прежней любви. Я видел, что она ненавидит меня и боится, а когда эта мысль гнала меня к бутылке, к ненависти прибавлялось и презрение.

Так Сара убедилась, что в Ливерпуле ей не прокормиться, и, как я понимаю, вернулась жить к своей сестре в Кройдон, а дома всё тянулось своим чередом. А потом настала эта последняя неделя – и с ней пришли страдание и гибель.

Вот как всё было. Мы вышли в море на «Мэй Дэй» в семидневный круговой рейс, но одна бочка сорвалась с креплений и повредила обшивку, так что нам пришлось вернуться в порт на двенадцать часов. Я сошёл с судна и пошёл домой, думая о том, какой сюрприз ждёт мою жену, надеясь, что она обрадуется, увидев меня так рано. С этой мыслью я свернул на свою улицу и заметил мимо проезжающий кеб – а в нём была она, рядом с Фэрбэрном; они болтали и смеялись, не замечая меня, тогда как я стоял и смотрел им вслед с тротуара.

Говорю вам – и ручаюсь за каждое слово, – с той минуты я уже не управлял собой, и всё, что было потом, расплылось в смутном сне. С тех пор я беспробудно пил, и всё это изрядно помутило мой рассудок. Сейчас в голове что-то стучит, словно молот, но в то утро мне казалось, будто целая Ниагара грохочет и ревет у меня в ушах.

Я кинулся за кебом. В руке у меня была тяжёлая дубовая трость, и, клянусь, с самого начала я кипел от ярости; но, пока бежал, решил хитрить и притормозил, чтобы наблюдать за ними, не выдавая себя. Вскоре они остановились у станции. Возле кассы толпился народ, и я смог подобраться почти вплотную, оставаясь незаметным. Они купили билеты до Нью-Брайтона, я взял туда же, но на три вагона позади. Как только поезд прибыл, они пошли вдоль набережной, а я не отходил от них дальше сотни ярдов. Наконец, я увидел, как они взяли лодку

и отправились кататься на вёслах: день стоял невыносимо жаркий, и, конечно, они подумали, что на воде будет прохладнее.

Казалось, их поднесли мне на блюдце. Стоял небольшой туман, и видно было не дальше сотни ярдов. Я прыгнул в лодку и погрёб вслед за ними. Виднелись лишь размытые очертания их лодки, но шли они почти с той же скоростью и, должно быть, отошли уже на добрую милю от берега, когда я их настиг. Туман, словно вуаль, окутывала нас со всех сторон, и мы трое оказались в самом его сердце. Боже мой, никогда не забуду их лиц, когда они увидели, кто сидит в приближающейся к ним лодке! Она завопила. Он сыпал проклятьями, словно обезумевший, и пытался ударить меня веслом – он увидел смерть в моих глазах. Я увернулся и ударил его тростью, проломив ему череп, как яйцо. Быть может, я пощадил бы её – даже при всём том помрачении, что владело мной, – но она потянулась к нему, обвинив его руками, и закричала: «Алек!» Я снова ударил, и она рухнула рядом с ним. Я словно стал диким животным, вкусившим кровь. Если бы Сара была там, клянусь, она бы легла рядом с ними. Я вытащил нож – но... довольно. Я сказал достаточно. Меня охватило какое-то звериное злорадство при мысли о том, что почувствует Сара, увидев, к чему привели её козни. Потом я связал тела в лодке, пробил дно и стоял, глядя, как они уходят под воду. Я прекрасно знал, что подумает хозяин лодки: они сбились с пути в тумане и их унесло в открытое море. Я привёл себя в порядок, вернулся на берег и поднялся на судно, и ни одна живая душа не ведала, что произошло. Той ночью я подготовил посылку для Сары Кушинг и на следующий день отправил её из Белфаста.

Вот и вся правда. Вешайте меня, делайте со мной что хотите – но кары суровей, чем эта, мне уже не видать: я наказан сполна. Стоит мне сомкнуть глаза – и я снова вижу эти два лица, уставившихся на меня так же, как они смотрели тогда, когда моя лодка показалась из тумана. Я прикончил их сразу; они же убивают меня постепенно. Ещё одна такая ночь – и до утра я либо сойду с ума, либо умру. Вы ведь не посадите меня одного в камеру, сэр? Умоляю, не делайте этого... И пусть в самый страшный час с вами обойдутся так же, как вы обходитесь со мной сейчас».

– Какой в этом смысл, Ватсон? – мрачно сказал Холмс, отложив бумагу. – Ради чего замыкается этот круг страдания, насилия и страха? Он должен вести к чему-то – иначе выходит, что нашим миром правит случай, а это немислимо. Но к чему же? Вот она, великая и вечная загадка, перед которой человеческий разум остаётся всё таким же бессильным.

Приключение «Красного Круга»

Часть I

– Ну-с, миссис Уоррен, не вижу, что у вас есть особый повод беспокоиться, и не понимаю, с какой стати я, чье время имеет некоторую ценность, должен вмешиваться в это дело. Право же, мне есть чем заняться.

Так сказал Шерлок Холмс и вернулся к толстой тетради, в которой размещал и индексировал сведения о своих недавних делах.

Однако квартирная хозяйка была с избытком наделена упорством и хитростью, собственными ее полу, и твердо стояла на своем.

– В прошлом году вы уладили дело одного моего жильца, – сказала она. – Мистера Фердейла Хоббса.

– А, да! Очень простое.

– Да он-то только про то и говорил – про вашу доброту и как вы осветили мрак. Вот мне и припомнились его слова, как меня саму одолели сомнения и мрак. Я знаю, вы бы его осветили, если бы захотели.

Тщеславность иногда делала Холмса уступчивым, как, надо отдать ему справедливость, и его доброта. Две эти силы понудили его отложить со вздохом липкую от клея кисточку и отодвинуть кресло назад.

– Ну, что же, миссис Уоррен, расскажите, что вас тревожит. Вы, полагаю, не против табачного дыма? Благодарю вас. Ватсон, спички! Как я понял, вас тревожит, что ваш новый жилец никуда не выходит из своих комнат и вы вообще его не видите. Ну так, миссис Уоррен, будь вашим жильцом я, вы очень часто меня неделями бы не видели.

– Оно конечно, сэр, да только тут совсем другое. Я боюсь, мистер Холмс, ночами не сплю от страха. Слышать его быстрые шаги то туда, то сюда с раннего утра до поздней ночи и ни разочка его не увидеть – у меня сил нет терпеть. Мой муж нервничает не хуже меня, только он ведь весь день отсутствует на своей работе, а у меня никакой передышки нет. Из-за чего он прячется? Что он натворил? Я ж в доме совсем с ним одна, если не считать девушки, и тут никакие нервы не выдержат.

Холмс наклонился и положил тонкие длинные пальцы на ее плечо. Он обладал почти гипнотической силой утешать, если считал нужным. Испуг исчез из ее глаз, а расстроенное лицо вновь обрело обычное благодушие. Она села в кресло, на которое он указал.

– Если я займусь этим, мне необходимо знать все подробности, – сказал он. – Не торопитесь, подумайте. Малейший пустяк может оказаться наиважнейшим. Вы говорите, что он пришел к вам десять дней назад и заплатил за две недели вперед, включая стол?

– Спросил про мои условия, сэр. Я сказала: пятьдесят шиллингов в неделю. У меня на верхнем этаже есть обособленная маленькая гостиная и спальня со всем прочим.

– Ну, и?

– Он сказал: «Я буду платить вам пять фунтов в неделю, но на своих условиях». Я женщина небогатая, сэр, а мистер Уоррен зарабатывает мало, и деньги для меня очень даже важны. Он достал десятифунтовую бумажку и протянул ее мне: «Вы сможете получать столько же каждые две недели долгое время, если будете соблюдать мои условия. Если вы не согласны, то разговор окончен».

– В чем заключались эти условия?

– Ну, чтоб у него был ключ от входной двери. Да это ничего. Жильцы часто их берут. И еще чтобы никто к нему не входил и чтоб его ни по какой причине не беспокоили.

– Но ведь ничего необычного в этом нет?

– Если в меру, сэр. Только это уж сверх всякой меры. Он живет у нас уже десять дней, а ни мистер Уоррен, ни я, ни девушка ни разу его не видели. Слышим эти его быстрые шаги туда-сюда, туда-сюда, ночью, утром и весь день напролет, но если не считать первого вечера, он ни разу из дома не выходил.

– А, так, значит, в первый вечер он уходил?

– Да, сэр, и вернулся очень поздно, когда мы все уже спать легли. Когда он снял комнаты, он меня об этом предупредил, попросил, чтоб я дверь на засов не запираюла. Я слышала, как он поднимался по лестнице уже после полуночи.

– Но как же он ест?

– Он особо потребовал, чтоб мы всегда, когда он позвонит, оставляли бы еду на стуле у его двери. А потом он опять звонит, и мы забираем посуду с того же стула. Если ему что-нибудь требуется, он печатными буквами пишет это на листке бумаги и оставляет на стуле.

– Печатными буквами?

– Да, сэр, печатными буквами карандашом. Одно слово, и только. Вот я захватила показать вам – МЫЛО. Вот еще – СПИЧКА. А этот он оставил в первое утро – «ДЕЙЛИ ГАЗЕТТ». Эту газету я каждое утро кладу рядом с его завтраком.

– Боже мой, Ватсон, – сказал Холмс, с большим любопытством глядя на листки, которые вручила ему квартирная хозяйка, – это, бесспорно, крайне необычно. Затворничество я могу понять, но почему печатные буквы? Это же такой утомительный процесс! Почему не писать? На что это указывает, Ватсон?

– Что он маскирует свой почерк.

– Но почему? Ну, увидит квартирная хозяйка слово, написанное его рукой, так что? Хотя, возможно, вы и правы. И почему такая лаконичность?

– Не нахожу объяснения.

– Это открывает приятные возможности для аналитических предположений. Слова, написанные самым обычным фиолетовым химическим карандашом с широким кончиком. Заметьте, листок оторван с этой стороны, после напечатывания слова, так что от «М» в «МЫЛЕ» осталась только половинка. Кое на что указывает, а, Ватсон?

– На осторожность?

– Вот именно. Очевидно, остался какой-то след, отпечаток большого пальца, ну, словом, что-то, что могло бы выдать его личность. Миссис Уоррен, вы сказали, что он среднего роста, темноволос и бородат. А его возраст?

– Он молод, сэр. Никак не больше тридцати.

– И больше вам нечего мне сказать?

– По-английски он говорил правильно, сэр, и все-таки я подумала, что он иностранец.

По выговору.

– И хорошо одет?

– Даже очень щегольски, сэр, как джентльмен. Темный костюм, ничего такого заметного.

– Никакой фамилии не назвал?

– Нет, сэр.

– И писем не получал, и никто его не спрашивал?

– Нет.

– Разве вы или ваша девушка не входите в его комнаты утром?

– Нет, сэр. Он сам за собой прибирает.

– Бог мой! Вот это и правда поразительно. Ну, а его багаж?

– При нем был большой коричневый саквояж, а больше ничего.

– Ну, не слишком много материала, чтобы помочь нам. И вы говорите, из этих комнат ничего не выбрасывалось, абсолютно ничего?

Она достала из сумки конверт и вытряхнула на стол две обгорелые спички и окурок сигареты.

– Лежали на его подносе нынче утром. Я их прихватила, потому как слышала, что вы умеете очень много прочесть по самым мелочам.

Холмс пожал плечами.

– Тут ничего нет, – сказал он. – Спички, естественно, зажигались, чтобы зажечь сигарету. На это указывает малая длина сгоревшего конца. На то, чтобы раскурить трубку или сигару, уходит половина спички. Но вот окурок и правда примечателен! Вы сказали, что он носит бороду и усы?

– Да, сэр.

– Не понимаю. Я бы сказал, что курил эту сигарету совершенно бритый человек. Ватсон, ведь даже ваши относительно скромные усы были бы опалены.

– Мундштук? – предположил я.

– Нет-нет, кончик примят. А их там не двое, в ваших комнатах, миссис Уоррен?

– Нет, сэр. Он ест до того мало, что я часто думаю: и как это у него душа в теле держится? А уж на двоих, так и говорить нечего.

– Ну, полагаю, нам придется подождать, пока не добавятся еще факты. В конце-то концов, жаловаться вам не на что. Плату за квартиру вы получили; как жилец, он вам никаких хлопот не доставляет, хотя, бесспорно, жилец он необычный. Платит он вам хорошо, а если хочет прятаться, вас это не касается. У нас нет повода вмешаться, пока у нас не появится причина предположить, что тут кроется нечто нечистое. Я взялся за это дело и буду иметь его в виду. Сообщите мне, если обнаружится что-нибудь новое, и рассчитывайте на мою помощь, если она понадобится.

– В этом деле, Ватсон, бесспорно, есть некоторые интересные моменты, – заметил он, когда миссис Уоррен ушла. – Конечно, это может оказаться чем-нибудь банальным, вроде простой эксцентричности, или же чем-то куда более глубоким, чем выглядит на поверхности. Первой в голову приходит очевидная возможность, что человек, теперь занимающий эти комнаты, вовсе не тот, кто их снял.

– Что навело вас на эту мысль?

– Ну, помимо сигаретного окурка, разве не многозначительно, что единственный раз жилец вышел из дома немедленно после того, как снял комнаты? Он вернулся – или кто-то вернулся, – когда все свидетели уже не могли его увидеть. У нас нет никаких доказательств, что за полночь в дом вошел тот же самый человек, который вышел из него. И опять-таки, человек, снимавший комнаты, хорошо говорил по-английски. Этот другой, однако, печатает «спичка» вместо «спички». Думается, слово это взято из словаря, где оно значит как существительное, но не во множественном числе. Лаконичность может скрывать отсутствие знания английского. Да, Ватсон, есть веские причины полагать, что произошла подмена жильцов.

– Но ради чего?

– А! Тут-то и кроется наша проблема! Есть одна очевидная линия расследования. – Он взял толстую тетрадь, в которую день за днем клеивал колонки личных объявлений из разных лондонских газет. – Бог мой! – сказал он, пролистывая страницы. – Что за хор стонов, воплей и бляения! Какой мешок необыкновенных происшествий. Но, бесспорно, ценнейшие охотничьи угодья для исследования неожиданного! Этот человек совсем один, и с ним нельзя связаться письмом, не нарушив желаемой абсолютной секретности. Так как же он может получать сведения или известия извне? Очевидно, с помощью газетных объявлений. Иного способа как будто нет, и, к счастью, мы можем ограничиться только одной газетой. Вот вырезки из «Дейли газетт» за последние две недели. «Дама с черным боа в «Конькобежном клубе Принца»... – это мы можем пропустить. «Неужели Джимми разобьет сердце своей матери?» – не подходит. «Если дама, упавшая в обморок в брикстонском омнибусе...» – она меня не интересует. «Каждый

день мое сердце в томлении» – бляение, Ватсон, бляение чистой воды! А вот это теплее. Послушайте-ка! «Наберись терпения. Найду верный способ связываться. Пока эта колонка. Д.». Два дня после того, как жилец миссис Уоррен водворился у нее. Звучит правдоподобно, не так ли? Таинственный субъект понимает по-английски, хотя и путается, печатая слова. Поглядим, не сумеем ли мы снова найти след. Ну, вот, три дня спустя. «Успешно продвигаюсь. Терпение и осторожность. Тучи рассеются». После этого в течение недели – ничего. Затем следует что-то более определенное. «Путь расчищается. Если будет шанс просигнализировать известие, помни код: А – один, В – два и так далее. Уже скоро. Д.». Это было во вчерашней газете, а в сегодняшней нет ничего. Все это явно адресовано жильцу миссис Уоррен. Если мы чуточку подождем, Ватсон, не сомневаюсь, что тайна станет более понятной.

Так и оказалось. Утром я нашел моего друга стоящим на каминном коврике спиной к огню и с улыбкой величайшего удовлетворения на лице.

– Что скажете, Ватсон? – воскликнул он, хватая со стола газету. – «Высокий красный дом, отделанный белым камнем по фасаду. Четвертый этаж. Второе окно слева. Когда стемнеет. Д.». Достаточно конкретно. Думаю, после завтрака мы проведем небольшую рекогносцировку вблизи дома миссис Уоррен... А! Миссис Уоррен! Какие новости вы нам сообщите нынче утром?

Наша клиентка внезапно влетела в комнату с бурной энергией, свидетельствующей о каком-то новом и важнейшем обороте дела.

– Тут полиция нужна, мистер Холмс! – вскричала она. – Я больше этого не потерплю. Пусть убирается со всем своим багажом. Я бы прямо поднялась туда и выложила бы ему все это, да только подумала, что по-честному будет сначала спросить вашего совета. Но мое терпение кончилось, и когда моего муженька колотят...

– Колотить мистера Уоррена?

– Ну, обходиться с ним не по-человечески.

– Но кто с ним так обошелся?

– А! Это-то мы и хотим узнать! Утречком это случилось, сэр. Мистер Уоррен, он табельщик у Мортон и Уэйлайта на Тоттенхем-Корт-роуд. И из дома уходит еще до семи. Ну, так нынче утром он и десяти шагов не прошел по улице, как двое молодчиков наскочили на него сзади, набросили ему плащ на голову и затолкали в кеб у тротуара. Возили они его целый час, а потом открыли дверцу и выкинули вон. Он растянулся на дороге, а мозги ему так тряхануло, что он даже не заметил, куда подевался кеб. А когда на ноги поднялся, то увидел, что он вовсе посреди Хэмпстед-Хита, так что домой поехал на омнибусе и сейчас отлеживается на диване, а я прямехонько к вам рассказать, что приключилось.

– Крайне интересно, – сказал Холмс. – А он разглядел внешность этих людей, слышал, как они говорили?

– Да нет, он совсем ошалел. Знает только, что его, как по волшебству, подняли и, как по волшебству, бросили наземь. Было их по меньшей мере двое, а может, и трое.

– И вы связываете это нападение с вашим жильцом?

– Ну, мы там живем пятнадцать лет, и ничего такого прежде не случалось. Я им сыта по горло. Деньги деньгами, но есть вещи поважнее. Я его еще до вечера выставлю из моего дома.

– Погодите немного, миссис Уоррен. Ничего второпях не делайте. Я начинаю думать, что это дело, пожалуй, куда более серьезно, чем казалось на первый взгляд. Теперь уже ясно, что вашему жильцу угрожает какая-то опасность. Столь же ясно, что его враги, устроив на него засаду вблизи от вашей двери, в утреннем тумане приняли за него вашего мужа. Обнаружив свою ошибку, они его отпустили. Как они поступили бы, не будь это ошибкой, мы можем только гадать.

– Так что мне делать, мистер Холмс?

– Я бы очень желал посмотреть на этого вашего жильца, миссис Уоррен.

– Не знаю, как это устроить, разве что вы его дверь взломаете. Я слышу, как он ее отпирает, всякий раз, когда спускаюсь по лестнице, чуть поставлю поднос.

– Но он же забирает поднос. Разве мы не можем спрятаться и подглядеть за ним?

Миссис Уоррен призадумалась.

– Ну, сэр, напротив его двери есть дверца в кладовку. Если я поставлю зеркало, а вы спрячетесь там...

– Превосходно! – сказал Холмс. – Когда вы подаете ему второй завтрак?

– Около часа, сэр.

– Ну, так мы с доктором Ватсоном приедем заблаговременно. А пока, миссис Уоррен, всего хорошего.

В половине первого мы поднялись на крыльцо дома миссис Уоррен – высокого узкого здания из желтого кирпича на Грей-Орм-стрит, неширокой улице к северо-востоку от Британского музея. Дом стоит почти на углу, и из него открывается вид на Хоу-стрит и ее более внушительные дома. Холмс со смешком указал на один из них с дорогими квартирами, с эркерами, который не мог не привлечь внимания.

– Видите, Ватсон! – сказал он. – Высокий красный дом с белой каменной облицовкой. Сигнал будет подан оттуда, можно не сомневаться. Нам известно место, нам известен код, следовательно, наша задача не сложна. Вон в том окне карточка «Сдается». Очевидно, пустующая квартира, куда у сообщника есть доступ. Ну-с, миссис Уоррен, что теперь?

– Я для вас все приготовила. Входите. Обувь оставьте у лестницы, а я вас туда провожу.

Она отлично все подготовила. Зеркало было поставлено так, что, сидя в темноте, мы прекрасно видели дверь напротив. Едва мы устроились и миссис Уоррен покинула нас, как дальнейшее позвякивание возвестило, что наш таинственный сосед потребовал свой завтрак. Вскоре миссис Уоррен поднялась по лестнице с подносом, поставила его на стул рядом с закрытой дверью и, тяжело ступая, удалилась. Притаившись бок о бок под углом к двери, мы не спускали глаз с зеркала. Внезапно, когда шаги квартирной хозяйки затихли, раздался скрип ключа, поворачивающегося в замке, ручка двери повернулась, и две тонкие руки сняли поднос со стула. Секунду спустя он был возвращен на стул, и я на миг увидел смуглое красивое, полное ужаса лицо, сверкнувшее глазами на приоткрытую дверь кладовой. Затем дверь захлопнулась, опять скрипнул ключ, и наступила тишина. Холмс дернул меня за рукав, и мы прокрались вниз по лестнице.

– Я снова зайду вечером, – сказал он миссис Уоррен, квартирной хозяйке, нетерпеливо ожидавшей внизу. – Полагаю, Ватсон, нам лучше будет обсудить это дело у себя.

– Мое предположение, как вы видели, оказалось верным, – сказал Холмс из глубины своего кресла. – Произошла подмена жильцов. Но я не предвидел, что мы найдем женщину, и очень необычную женщину, Ватсон.

– Она нас увидела.

– Ну, она увидела что-то, что ее встревожило. Это несомненно. Общая последовательность событий достаточно ясна, не так ли? Пара укрывается в Лондоне от очень грозной и неотвратимой опасности. На такую опасность указывает строгость их предосторожностей. Мужчина, которому необходимо что-то сделать, хочет обеспечить женщине полную безопасность, пока он будет этим заниматься. Задача не из легких, но он решает ее крайне оригинальным способом и настолько эффективно, что о ее присутствии там не подозревала даже квартирная хозяйка, готовившая ей еду. Печатание слов, как теперь стало ясно, должно было помешать почерку выдать ее пол. Мужчина не смеет к ней приблизиться, чтобы не навести на нее врагов. Поскольку он не может связаться с ней напрямую, он прибегает к помещению объявлений в газетной колонке. Пока все ясно.

– Но в чем причина?

– Да, Ватсон, вы неумолимо практичны, как всегда. В чем причина всего этого? Причудливая проблема миссис Уоррен в процессе ее исследования становится все более сложной и обретает все более зловещий аспект. Во всяком случае, мы можем заключить, что это отнюдь не тривиальная любовная эскапада. Вы видели лицо этой женщины, когда ей почудилась опасность? Кроме того, нам известно про нападение на квартирного хозяина, без сомнения спутанного с жильцом. Эта тревога и отчаянные попытки сохранять секретность указывают, что речь идет о жизни и смерти. Кроме того, нападение на мистера Уоррена свидетельствует, что враги, кем бы они ни были, не знают, что жильца подменили на жилищу. Это дело крайне любопытно и запутано, Ватсон.

– Но вам к чему в него углубляться? Что вам это даст?

– Действительно, что? Это искусство для искусства, Ватсон. Полагаю, когда вы лечите, то не думаете о гонораре, пополняя свои сведения о болезни пациента?

– Я просто пополняю свое образование, Холмс.

– Образование никогда не прерывается, Ватсон. Оно слагается из серии уроков, и важнейший из них в конце. Это очень поучительное дело. Оно не обещает ни денег, ни славы и все-таки требует разобраться в нем. Когда стемнеет, мы, надо полагать, продвинемся в нашем расследовании.

Когда мы вернулись в комнаты миссис Уоррен, сумрак лондонского зимнего вечера ступил в сплошную серую завесу, мертвую монотонность серости, нарушаемую только четкими желтыми квадратами окон и расплывчатыми ореолами газовых фонарей. Пока мы щурились из темной гостиной миссис Уоррен, высоко во тьме замерцал еще один тусклый свет.

– Кто-то движется в той комнате, – сказал Холмс шепотом, почти прижав к оконному стеклу худое оживившееся лицо. – Да, я вижу его тень. Вот он опять появился! У него в руке свеча. А теперь он вглядывается через улицу, проверяет, готова ли она. Теперь он начал сигнализировать. Вы тоже записывайте, Ватсон, чтобы мы могли свериться. Единственный проблеск, то есть, конечно, «А». А теперь? Сколько вы насчитали? Двадцать? Как и я. Это должно быть «Т». АТ... Что же, вполне осмысленно! Еще «Т». Видимо, начало второго слова. Ну-ка... «TENTA». Конец. Это не может быть все, Ватсон. И если разбить на три слова, ничего не получится: «АТ», «TEN», «ТА», разве что «ТА» чьи-то инициалы. Вот опять. Что это? «АТТЕ»... опять то же самое. Любопытно, Ватсон, очень любопытно! Он опять сигнализирует АТ... повторяет в третий раз. «АТТЕНТА» три раза! Сколько раз еще он будет это повторять? Нет, видимо, это конец. Он отошел от окна. Как вы это толкуете, Ватсон?

– Зашифрованное послание, Холмс.

Мой друг внезапно испустил одобрительный смешок.

– И не так уж хитро зашифрованное, Ватсон, – сказал он. – Это же итальянский. «А» в конце означает, что слово это обращено к женщине. «Берегись! Берегись! Берегись!» Что скажете, Ватсон?

– По-моему, вы попали в точку.

– Вне всяких сомнений. Неотложная весть, повторенная трижды. Но беречься чего?..
Погодите-ка, он снова подошел к окну.

Опять мы увидели силуэт пригнувшегося мужчины и быстрое мелькание огонька поперек окна. Сигналы возобновились. Они подавались даже быстрее, чем прежде, настолько быстро, что следить за ними было трудно.

– «PERICOLO»... «периколо». Что это, Ватсон? «Опасность» – так ведь? Да, черт побери, сигнал об опасности! Вот опять! «PERI...» Э-гей, что еще за?..

Огонек внезапно погас, мерцающий квадрат окна исчез, и четвертый этаж образовал темную полосу поперек высокого здания с ярусами светящихся окон. Этот последний крик предостережения внезапно был оборван. Как и кем? Одна и та же мысль мелькнула у нас обоих. Холмс выпрямился и отпрянул от окна.

– Это серьезно, Ватсон! – вскричал он. – Там творится какая-то чертовщина! Почему сигнал вдруг оборвался? Я бы связался со Скотленд-Ярдом, но решают минуты, и мы не можем остаться в стороне.

– Мне отправиться в полицию?

– Нам необходимо точнее разобраться в ситуации. У нее могут быть и более невинные объяснения. Идемте, Ватсон! Давайте сами перейдем улицу и посмотрим, что к чему.

ЧАСТЬ II

Пока мы быстро шли по Хоу-стрит, я оглянулся на дом, из которого мы вышли. И увидел тень головы женщины, напряженно вглядывающейся в ночь, затаив дыхание напряженно ждущей возобновления оборвавшегося сигнала. У дверей многоквартирного дома на Хоу-стрит стоял, опираясь на перила, мужчина, кутаясь в пальто и с шарфом на шее. Он вздрогнул, когда свет из передней упал на наши лица.

– Холмс! – вскричал он.

– Здравствуйте, Грегсон, – сказал мой друг, обмениваясь рукопожатием с инспектором Скотленд-Ярда. – «Кончен путь влюбленных встречей». Что привело вас сюда?

– Полагаю, то же самое, что и вас, – сказал Грегсон. – Но ума не приложу, что вас привело сюда сейчас?

– Разные нити, но ведут к одному клубку. Я фиксировал сигналы.

– Сигналы?

– Да. Вон из того окна. Они оборвались на полуслове. Мы пришли выяснить почему. Но поскольку дело в ваших надежных руках, я не вижу смысла заниматься им дальше.

– Погодите минутку! – с настойчивостью воскликнул Грегсон. – Честно сказать, мистер Холмс, еще не случалось дела, когда бы я не чувствовал себя увереннее, если рядом со мной были вы. Из этих квартир на улицу только один выход, и ему от нас никуда не деться.

– Кому ему?

– Ну-ну, против обыкновения мы вас опередили, мистер Холмс. Уж признавайтесь! – Он сильно ударил тростью по тротуару, и извозчик с кнутом в руке неторопливо прошествовал к нам от четырехколесного экипажа, стоящего на той стороне улицы.

– Разрешите познакомить вас с мистером Шерлоком Холмсом, – сказал Грегсон извозчику. – А это мистер Левертон из агентства Пинкертон.

– Герой тайны погребца на Лонг-Айленде, – сказал Холмс. – Сэр, очень рад познакомиться с вами.

Американец, спокойный, деловитого вида молодой человек с рублеными чертами лица без усов и бороды, густо покраснел от этой похвалы.

– Я участвую в деле, какое выпадает раз в жизни, мистер Холмс, – сказал он. – Если я сумею схватить Горджано...

– Как, Горджано из «Красного Круга»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.